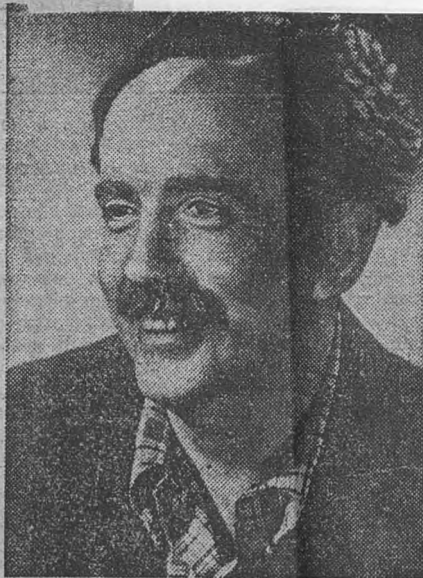

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

ПОЭЗИЯ

Александр ГАЛИЧ

Двадцать лет творчество Александра Аркадьевича Галича да и само его имя находилось под запретом. 12 мая этого года Союз кинематографистов СССР восстановил А. Галича в правах, подчеркнув, что «это — восстановление справедливости». Спустя два месяца и Союз писателей последовал доброму примеру. Впрочем, Галич никогда не переставал быть писателем и гражданином. «В жизни каждого человека, — писал он, — вероятно, случается такой день и час, ког-

да вдруг, остановившись, ты оглядываешься в раздумье на все прожитое, пройденное, сделанное тобой. И совсем не так уж важно, что именно заставило тебя остановиться и оглянуться, но, уже остановившись и оглянувшись, ты не можешь не задать себе, как в юности, пристрастный вопрос — зачем я пришел на землю и что сделаю я на земле?!». Александр Галич ответил на этот вопрос своим творчеством, которое вызвало прямо противоположный от-

клик. Так, после публичного выступления Галича в марте 1968 года на фестивале песни в Новосибирске одна позиция нашла выражение в том, что ему вручили приз — серебряную копию пера Пушкина и почетную грамоту Сибирского отделения Академии наук СССР: «Ваше творчество превосхищает и подготавливает грядущее нашей Родины... В Вашем искусстве легко читается смелая общественных идеалов... и мы восхищаемся не только Вашим талантом, но и Вашим му-

жеством». Другая позиция: «совет» — не исполнять свои песни, а лучше — вовсе их не писать.

Дальнейшее известно... Как мечтал Галич о своей книжке! И вот наконец его стихи и песни представляют не в несовершенных магнитофонных записях — мы впервые Галича читаем. В данной подборке и лирика, и стихи иронические, а столь любимый Галичем жанр баллады, и стихотворное посвящение Юрию Домбровскому, сегодня также возвращенному читателям.

«СЛОВНО ДАР СВЫШЕ...»

Прилетает по ночам ворон,
Он бессонницы моей кормчий.
Если даже я ору ором,
Не становится мой ор громче.

Он едва на пять шагов слышен,
Но и это, говорят, слишком.
Но и это, словно дар свыше, —
Быть на целых пять шагов слышным!

БАЛЛАДА О СТАРИКАХ И СТАРУХАХ,

с которыми я вместе жил и лечился
в кардиологическом санатории областного
совета профсоюзов в 108 км от Москвы

Все завидовали мне: «Эко денег!»
Был загадкой я для старцев и стариц.
Говорили про меня: «Академик!»
Говорили: «Генерал-иностранец!»

О, бессонниц и сновторных отрав!
Может статься, это вы виноваты,
Что привиделась мне вздорная слава
В полумраке санаторной палаты!

А недуг со мной хитрил поминутно:
То терзал, то отпускал на поруки.
И все было мне так странно и трудно,
А труднее всего — были звуки.

Доминошники стучали в запале,
Привалившись к покрайбанной пальме;
Старцы в чесанках с галошами спали
Прямо в холле, как в общественной спальне.

Я неслышно проходил: «Англичанин!»
Я козла не забивал: «Академик!»
И звонки мои в Москву обличали:
«Эко денег у него, эко денег!»

И казалось мне, что вздор этот вечен,
Неподвижен, словно солнце в зените...
И когда я говорил: «Добрый вечер!»,
Отвечали старики: «Извините».

И кивали, как глухие глухому,
Улыбались не губами, а краем:
Мы, мол, вовсе не хотим по-плохому,
Но как надо, извините, не знаем...

Я твердил им в мохнатые уши
В перекурах за сортирную дверью:
«Я такой же, как и вы, только хуже!»
И поддакивали старцы, не веря.

И в кино я не ходил: «Ясно, немец!»
И на танцах не бывал: «Академик!»
И в палатке я купил чай и перец:
«Эко денег у него, эко денег!»

Ну, и ладно, и не надо о славе...
Смерть подарит нам бубенчики славы!
А живем мы в этом мире послами
Не имеющей названья державы...

ПЛЯСОВАЯ

Плохо спится палачам по ночам,
Вот и ходят палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи — палачей!
На столе у них икра, балычок,
Не какой-нибудь — «КВ» коньячок,

А впоследствии — чаёк, пастила,
Кекс «Гвардейский» и печенье «Салют»,
И сидят заплечных дел мастера
И тихонько, но душевно поют:
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

— Был порядок! — говорят палачи.
— Был достаток! — говорят палачи.
— Дело сделал, — говорят палачи, —
И пожалуйста — сполна получи!..

Белый хлеб икрой намазан густо,
Слезы кипяточка горячей!
Палачам бывает тоже грустно.
Пожалейте, люди, палачей!

Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи — палачам!
И, как в жизни, но еще половчей,
Бьют по рылу палачи палачей!

Как когда-то, как в годах молодых:
И с отяжкой, и коленом — в поддых!
И от криков, и от слез палачей
Так и ходят этажи ходуном,
Вызывают неотложных врачей
И с тоской вспоминают о Нем:
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

— Мы на страже! — говорят палачи.
— Но когда же?! — говорят палачи.
— Поскорей бы, — говорят палачи, —
Встань, Отец, и вразуми, поучи!..

Дышит, дышит — кислородом — страна...
Крикнуть бы, но голос — как ничей!
Палачам бывает тоже страшно,
Пожалейте, люди, палачей!

ПЕСНЯ - БАЛЛАДА ПРО ГЕНЕРАЛЬСКУЮ ДОЧЬ

М. ФИГНЕР
«Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь...»

Постелилась я — и в печь уголек,
Накрошила огурцов да мяса.
А он явился, ноги вынул и лег —
У мадам у его месяца.

А он и рад тому, сучок, он и рад,
Скушал водочки — и в сон напавал.
А там, в России, где-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том Обводный канал.

А там мамонька жила с папонькой,
Называли меня «лазлонькой».
Не считали меня лишнею,
Да им дали обойм высую!
Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет,
А что с чужим живу — так своего-то нет!
Кара-ган-да!..

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он барыга, и калымщик, и жмот.
Он на торговской дает, будь здоров! —
Где за рупь, а где какую прижмет!
Подвозил он меня раз в Гастроном,
Даже слова не сказал, как полез,
Я бы в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подкле!

А на картиночке площадь с садиком,
А перед ней камень с «Медным всадником»!
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой, не хочу про то, а то я вить пойду!
Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты мать-мачеха, для кого когда,
А для меня была так навсегда нежна,

Что самой себе я стала не нужна!
Кара-ган-да!..

Он проснулся, закурил «Беломор»,
Взял пинджак, где у него — кошелек,
И прошлепал босиком в колидор,
А вернулся и обратно залег.
Он спит, а я сижу у огня,
Режу меленько на водку лучок,
А ведь все-таки он жалеет меня,
Все-таки ходит, все-таки дышит, сучок!

А и спи, проспись, ты мое золотце!
А слезы что ж! От слез — хлеб не солится!
А что мадам его крутит мордою,
Так мне плевать на то — я не гордая!
Ой, Караганда, ты, Караганда!
Если тут горда — так и на кой годна!
Хлеб насущный наш, дай нам, боже, днесь,
А что в России есть, так то не хуже здесь!
Кара-ган-да!..

Что-то сон нейдет — был, да вышел весь.
А завтра делать дел — прорву адскую.
Завтра с базы нам сельдь должны завезть —
Говорили, что ленинградскую.
Я себе возьму и кой-кому раздам,
Надо ж к празднику подзаправиться!
А пяток сельдей — я pošлю мадам,
Пусть покушает, позабавится!

Пусть покушает она, дура жалкая,
Пусть не думает она, что я жадная!..
Это, знать, с лучка глазам колется...
Голова моя на низ чтой-то клонится...
Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года...
А на картиночке площадь с садиком...
А перед ней камень...
Кара-ган-да!..

ПЕСНЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ПРАВОТЕ

Ю. О. ДОМБРОВСКОМУ

Подстилала удача соломки,
Охранять обещала и впредь.
Только есть на земле Миссалонги,
Где достанется мне умереть.

Где, уже не пикон, и не барин,
Ошалев от дорог и нарет,
Я от тысячи истин, как Байрон,
Вдруг поверю, что истины нет!

Будет серый и скверный денечек,
Небо с морем сольются в одно,
И приятель мой, плут и доносчик,
Подольет мне отраву в вино.

Упадет на колени тетрадка,
И глаза мне затынет слюда,
Я скажу: — У меня пихорадка,
Для чего я приехал сюда!!

И о том, что не в истине дело,
Я в последней пойму дурноте,
Я, мечтавший и ночью, и денно
О несносной своей правоте!

А приятель, всплакнув для порядка,
Перейдет на возвышенный слог
И запишет в дневник:
«Лихорадка».

Он был прав, да простит его бог.

1969
Подготовка текстов и публикация
Н. КРЕЙТНЕР и В. ГИНЗБУРГА